

ЮРЕВИЧ АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ

член-корреспондент РАН,
доктор психологических наук, заместитель директора
Учреждения Российской академии наук Института психологии РАН,
Москва, Россия;
yurevich@psychol.ras.ru

Теневая наука в современной России

В связи с нормами научной деятельности, сформулированными Р. Мертоном, автор рассматривает такое явление, как теневая наука. По его мнению, она сопровождала официальную науку с момента ее появления на свет, однако в современной науке, особенно российской, соответствующие феномены становятся все более многочисленными и получают все более экстремальные проявления.

Ключевые слова: теневая наука, научная этика, нормы и антинормы науки, научное антрепренерство, поп-наука.

Нормы и антинормы науки

Как правило, вклад в науку ученых такого масштаба, как Р. Мертон, выходит далеко за пределы тех областей знания, которые они разрабатывают. Его труды, послужившие фундаментом социологии науки, имели большой резонанс за ее пределами, оказав огромное влияние на *видение* науки и ее истории представителями самых различных научных дисциплин. При этом, что тоже характерно для крупных мыслителей, большое влияние на это видение оказали не только сами идеи Мертона, но и *оппонирование* этим идеям, в частности противопоставление сформулированным им нормам научной деятельности ее антинорм. Большую известность в социологии науки и за ее пределами приобрели системы таких антинорм, описанные И. Митроффом, С. Фуллером, Дж. Зиманом и другими исследователями, существенно содействовавшие приближению науковедческих образов науки к реальности.

Работы Мертона и его оппонентов во многом содействовали и привлечению внимания к ненормативным, «теневым» сторонам научного познания, без учета которых его науковедческие образы были бы не только неполными, но и в значительной мере искаженными. Это открыло богатое поле и для отечественных науковедов, ибо наша страна традиционно преуспевает в культивировании всего ненормативного, в том числе и теневой науки.

Термин «теневая наука» все прочнее утверждается в нашем науковедческом и бытовом лексиконе и становится все более популярным, что неудивительно: было бы странным, если бы в стране, где значительная часть экономики, да и других социальных структур, находится «в тени», а «теневой» образ жизни сколь широко распространен, столь и естественен, не было бы и теневой науки.

Когда термин у всех на слуху, трудно установить его авторство, и, скорее всего, изобретатель выражения «теневая наука» так и останется неизвестным, хотя претендентов на пальму первенства обнаружилось бы немало. Например, среди отечественных пионеров его употребления можно упомянуть В. А. Бажанова, назвавшего одну из

глав своей книги, вышедшей в 1991 году, «Феномен теневой науки и его особенности в СССР». Из названия этой главы можно заключить, что уже в те времена, когда, как тогда было принято считать, у нас «не было» наркомании, проституции и даже секса, теневая наука у нас была, а к ее основным проявлениям В. А. Бажанов относит написание авторами рецензий на собственные работы, рецензирование научных трудов без их чтения и т. п. Он пишет: «По аналогии с теневой экономикой, под которой имеют в виду незаконную экономическую деятельность, теневую науку можно было бы определить как деятельность представителей научных сообществ, микро-социумов (входящих в них по формальным либо содержательным признакам), которая строится на нарушении, деформации принятых и поддерживаемых обществом в качестве своего рода идеалов, ценностей и норм — правовых, этических и т. д., которые регулируют научную жизнь» (Бажанов, 1991: 153). По мнению В. А. Бажанова, «функционирование теневой науки покоится на действии, по меньшей мере, двух механизмов: первый (и самый эффективный) из них — наличие влиятельного лица в структурах власти, готового помочь („вырожденный“ случай — влиятельное лицо в самом издательстве), готового исполнить чье-либо желание, а второй — пробивная сила некоторого множества отзывов, заверенных, как полагается, печатями солидных научных учреждений, от ученых со степенями и званиями, да еще — если повезет — занимающих какие-либо административные должности» (там же: 156–157).

Теневая наука, если исходить из ее описанного выше понимания, существовала не только у нас, и вообще можно предположить, что с тех пор, как возникла сама наука, сформировалась и область феноменов, которые можно причислить к теневой науке, хотя, естественно, и характер этих феноменов, и их выраженность менялись с течением времени. Так, например, А. Кон в своей книге с красноречивым названием «Ложные пророки: обман и ошибки в науке и медицине» (Kohn, 1986) приводит доказательства того, что уже основатели науки Нового времени — И. Ньютон, И. Кеплер, Г. Галилей и др. — регулярно грешили подделкой научных данных, которую принято считать одним из главных проявлений теневой науки. Наиболее громкую огласку в этом плане приобрел случай Г. Менделя — после того, как математиком Р. Фишером было доказано, что количественные данные, приводившиеся «великим монахом» в подтверждение открытых им законов генетики, получить было принципиально невозможно. Скандал разразился и по поводу английского психолога С. Барта, который сначала был первым среди психологов посвящен в дворянство (превратившись в сэра Сирилла Барта) и удостоен престижной премии Торндайка, а потом, когда выяснилось, что всего этого он добился с помощью разветвленной системы подлогов, включавшей описание непродоведшихся исследований, искажение действительного размера выборок, публикацию данных, подтверждавших его выводы, под вымышленными именами, и другие подобные приемы, подвергся — посмертно, впрочем, — многоступенчатой процедуре «деградации статуса» и даже отлучению от науки¹.

Б. Барбер (Barber, 1952), У. Хэгстром (Hagstrom, 1965) и другие известные исследователи науки публикуют длинные списки ученых, подделывавших результаты исследований, которые, возглавляемые Ньютоном и Галилеем, включают и наших соотечественников. В 1985 году журнал “New scientist” провел опрос,

¹ Окончательный вердикт ему вынесла Британская психологическая ассоциация: «Ни по своему темпераменту, ни по своей подготовке Барт не был ученым ... его работы имели лишь форму научных, но далеко не всегда были таковыми по существу» (Gieryn, Figert, 1986: 80).

продемонстрировавший, что 194 из 201 опрошенных им ученых сталкивались с подобными случаями, причем только 10 % уличенных в обмане были уволены со своих должностей, для остальных же обнаружение подлогов не имело сколь-либо значительных последствий (Kohn, 1986). С. Волинз разослал 37 авторам научных статей письмо с просьбой описать «сырые» данные, на которых были основаны сделанные выводы. Ответили 32 респондента, у 21 из которых первичные результаты куда-то «случайно» затерялись, при этом и в присланных данных обнаружались подозрительные неточности и ошибки (ibid). А среди ученых, опрошенных М. Махони, 42 % ответили, что хотя бы однажды сталкивались с подделкой данных, причем биологи (57 %) — чаще, чем представители социогуманитарных наук — психологи (41 %) и социологи (38 %) (Mahoney, 1976).

Вышеупомянутый А. Кон, проанализировавший и систематизировавший подобные случаи «мошенничества» в науке, пришел к выводу о том, что оно носит массовый характер, является правилом, а не исключением, и выделил три его основные разновидности: 1) «подлог» — прямая фальсификация результатов исследований, выдумывание несуществующих фактов, 2) «приукрашивание» — искажение полученных данных в желаемом направлении, 3) «стряпня» — отбор только тех данных, которые подтверждают гипотезы (Kohn, 1986).

Эта тема, в 80-е годы прошлого века ставшая одной из самых популярных в разделе «Научное творчество» выходившего у нас тогда реферативного журнала «Науковедение», поистине неисчерпаема. В то же время было бы неверным сводить исторические предпосылки теневой науки только к манипуляциям с результатами исследований. У науки всегда существовала куда более многообразная теневая сторона, скрытая от взглядов непосвященных. Так, Р. Мертон, сформулировавший официальные нормы науки — «универсализм», «незаинтересованность», «коммунизм» и «организованный скептицизм», от которых, очевидно, должно отмеряться «нарушение принятых и поддерживаемых обществом (и научным сообществом) идеалов, ценностей и норм» (Бажанов, 1991: 153), отдал должное и таким теневым феноменам научной деятельности, как «эффект Матфея» (чем больше имеешь, тем больше и приобретаешь), «эффект Ратчета» (завоевав определенный статус, практически невозможно его потерять) и т. п. (Merton, 1969). А. Митрофф описал теневые антинормы науки, противоположные ее официальным нормам: «вера в моральную добродетель не только рациональности, но и иррациональности», «эмоциональная вовлеченность», «партикуляризм», «уединенность» (то есть секретность, стремление ученого обрести право собственности на произведенное им научное знание), «заинтересованность», «организованный догматизм» (Mitroff, 1974). Еще одна система антинорм была описана С. Фуллером, назвавшим их «земными», то есть не абстрактно декларируемыми, как нормы Мертона, а реальными нормами «земной» науки. К их числу он относит: «культурный империализм» (то есть доминирование англо-американских научных журналов и т. д.), «мафиозность», «оппортунизм» (то есть готовность, например, создавать оружие массового уничтожения), «коллективная безответственность» (Fuller, 1997).

Резонансный шаг в высвечивании теневой стороны науки сделали Дж. Гилберт и М. Малкей, которые в своей книге «Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых» продемонстрировали, что у людей науки имеются два «репертуара» — «условный» и «эмпирический»; в рамках первого одни и те же ситуации научной деятельности воспринимаются в их официальном, а в рамках

второго — в скрытом, или теневом, контексте. Примеры расхождения этих «репертуаров», которые приводят авторы, настолько ярки и остроумны, что их стоит воспроизвести в очередной раз.

Что пишется	Что имеется в виду
Давно известно, что ...	Я не удосужился запастись точными ссылками
Хотя не оказалось возможным найти точные ответы на поставленные вопросы...	Эксперимент провалился, но я считаю, что, по крайней мере, смогу выжать из него публикацию
Три образца были отобраны для детального изучения...	Результаты, полученные на других образцах, не давали никакой почвы для выводов и были проигнорированы
Имеет большое теоретическое и практическое значение...	Интересно для меня
Утверждается... представляется... считается, что...	Я считаю
Общепринято, что...	Еще двое отличных ребят думают точно так же
Наиболее надежными следует считать результаты, полученные Джонсом...	Он был моим аспирантом

Взято из кн.: Гилберт, Малкей, 1987

В целом же самые разнообразные направления изучения науки — изучение ее истории, социологический анализ так называемой «лабораторной жизни» (см.: Современная западная социология науки, 1988), психологические исследования взаимоотношений между учеными и т. п. — убедительно свидетельствуют о том, что у любой науки есть своя теневая сторона, которая проявляет себя не только в грубых нарушениях научной этики, как в случае подлогов и др., но и в «нормальных», этически нейтральных ситуациях.

Так, например, у любой научной дисциплины существует теневая методология, которая позволяет «самортизировать» издержки, а то и вообще неосуществимость ряда ее официальных методологических стандартов. Например, в пору господства позитивистской методологии в поведенческих науках исследователю было предписано строго соблюдать правила добывания научного знания, основанные на компактно суммированных У. Веймером позитивистских мифах:

— научное знание основано на твердых эмпирических фактах;

- теории выводятся из фактов (и следовательно, вторичны по отношению к ним);
- наука развивается посредством постепенного накопления фактов;
- поскольку факты формируют основания нашего знания, они независимы от теорий и имеют самостоятельное значение;
- теории (или гипотезы) логически выводятся из фактов посредством рациональной индукции;
- теории (или гипотезы) принимаются или отвергаются исключительно на основе их способности выдержать проверку экспериментом (Weimer, 1976).

Поскольку подобным путем нового знания построить невозможно (что убедительно показано в разрушивших эти мифы работах Т. Куна, П. Фейерабенда, С. Тулмина и др.), исследователи были вынуждены изощряться и изобретать всевозможные теневые методологические «ходы», дабы обойти эти правила, одновременно создавая видимость их соблюдения. Среди подобных «ходов» наибольшее распространение получили такие, как формулирование гипотез *post factum* — когда исследование уже проведено, придумывание якобы неподтвердившихся гипотез, призванных продемонстрировать добросовестность исследователя, камуфлирование истинных источников этих гипотез, «отсечение» их связи с самоанализом, личным опытом исследователя и т. п. В результате в поведенческих науках сосуществовали две методологии: официальная — позитивистская, и теневая, которая делала возможным реальное приращение знания и была легализована — да и то не полностью — лишь в результате распространения в методологической рефлексии науки постмодернистских идей и настроений (Юревич, 2000)¹.

Подобные примеры свидетельствуют о том, что к области теневой науки можно отнести большое разнообразие феноменов, которые трудно отмерить от какой-либо системы морально-этических норм (кто решится утверждать, что теневое нарушение позитивистской методологии было аморальным?) и выстроить в едином смысловом пространстве. В то же время и полное отождествление теневого с неофициальным, противоречащим упрощенным представлениям о науке, было бы чрезмерным расширением данного понятия. Так, скажем, многолетнюю судебную тяжбу между И. Ньютоном и Г.-Х. Лейбницем, как и бесконечные споры о приоритете, в которые было втянуто множество выдающихся ученых, едва ли можно отнести к теневым феноменам науки, хотя они и противоречат ее официальным нормам — «незаинтересованности», «коммунизму» и др. Вследствие того, что реальные ученые не живут в «башне из слоновой кости», что они не «святые» (Mahoney, 1976) и не «рациональные автоматы» (Roe, 1953), которым чуждо все человеческое, они часто позволяют себе не вписывающееся в официальные нормы науки, да и ключевые фрагменты в развитии научного знания, например научные революции, сильно напоминают социальные революции, заключающиеся в ниспровержении друг друга политическими кланами (Кун, 1975). Так можно ли считать когнитивную сторону научных революций — вытеснение одной научной парадигмы другой — «белой»,

¹ Эта ситуация, помимо всего прочего, демонстрирует, что теневая наука охватывает не только негативные явления, подлежащие порицанию и — в идеале — искоренению. Другой пример «позитивной» теневой науки — отечественная философия советского времени, которая в условиях диктата истмата и диамата тоже вела во многом теневой образ жизни, будучи замаскированной под историю философии.

«легальной» и т. п. наукой, а те социальные процессы, которые за этим стоят, например описанное тем же Т. Куном вытеснение сторонников прежней парадигмы из научных журналов и т. д., теневой наукой? Наверное, можно, но опять же при чрезмерном и неоправданном расширении этого понятия.

В результате грань между неофициальным в науке, противоречащим ее парадному и сильно ретушированному образу, и тевым прочертить очень сложно, а любой способ ее проведения будет условным и конвенциональным. Вместе с тем и совсем пожертвовать этим сколь эффективным, столь и полезным понятием, причислив его к категории пустых метафор, было бы неверно. Возможно, к теневой науке имеет смысл относить слишком явное нарушение этических норм, причем не только тех, которые, подобно нормам Мертона, существуют в самой науке, но и принятых в том обществе, в котором она развивается.

Защиты «под ключ»

Вспомним очевидную и многозначительную формулу: «наука — зеркало общества». Она, в числе прочего, означает, что все негативные явления, характерные для данного общества, в той или иной форме воспроизводятся и в науке, а степень ее отклонения от принятых в ней норм в целом пропорциональна степени отклонения от общечеловеческих моральных императивов соответствующего общества. К тому же, во времена, отмеченные снижением морали, наблюдается смещение представлений о том, что считать нормой, а что — патологией, и ученого, «подмахивающего» отзывы и рецензии, сейчас вряд ли сочтут злым нарушителем научной этики. В результате явления, которые В. А. Бажанов отождествлял с теневой наукой в начале 1990-х, — саморецензирование, подписывание рецензий без чтения соответствующих работ и др. — выглядят детскими шалостями в сравнении с тем, что олицетворяет ее сейчас. Разумеется, каждое общество и характерные для него формы нарушения моральных принципов порождают и соответствующий вид нарушения научной этики, а значит, и теневой науки. И в этом плане наша отечественная наука не может посетовать на отсутствие изобретательности. В качестве примеров приведем типовые образцы объявлений, помещаемых в Интернете¹.

Расценки на диссертации по гуманитарным наукам в у. е. (качественно):

Кандидатская — от 5000 до 7000 (в зависимости от сроков и формы оплаты).

Докторская — от 9000 (принимаются в расчет интеллектуальные возможности и степень участия самого соискателя. Предусматривается скидка, если докторская зачислялась «в одном пакете» с кандидатской).

Докторская «под ключ» — 16 000.

Выполнение диссертационной работы (кандидатской, докторской) — от 1000 (определяется индивидуально в каждом случае, срок исполнения — 2 месяца).

Сопровождение работы и защита в экспертных советах ВАК — от 4500 (определяется индивидуально в каждом случае, срок — до 3 месяцев).

¹ Куплю докторскую. Российская газета. 2002. Архив старого сайта РГ. URL: http://www.rg.ru/Anons/arc_2002/0322/1.shtml

Специальное предложение:

Дружественный ученый совет принимает к рассмотрению работы по специальностям:

— информационная безопасность по отраслям — кандидат (доктор) технических, экономических, юридических наук;

— управление народным хозяйством — кандидат (доктор) экономических наук.

Во всех случаях конфиденциальность гарантируется.

Знаки отличия:

Звание академика — 1000.

Настенный цветной диплом на русском языке — 50.

То же самое на английском — 50.

Твердый переплет для диплома с золотым тиснением — 25.

Твердый настольный бювар для диплома — 25.

Удостоверение академика карманного формата — 25.

Дипломы:

Диплом о высшем образовании (бланк настоящий, подписи и печати поддельные) — от 150 до 900 (зависит от времени изготовления и престижности вуза).

Настоящий диплом (введенный в базу данных вуза) — 5000 (плюс 4 маленьких фото).

Документ об образовании экстерном. Высылается по почте — независимо от того, в Москву или Магадан. Юрист, бухгалтер, менеджер, экономист и др. — законно, быстро и всего за 6000 руб.

Обращают на себя внимание и характер предлагаемых услуг, от которого у ученого 1990-х годов волосы встали бы дыбом, и их разнообразие (можно купить кандидатскую, можно — докторскую, можно — книгу или статью, можно — диплом, можно — место в академии), и их дифференцированность в зависимости от платежеспособности клиентов (можно, если средства позволяют, организовать защиту «под ключ», можно — менее удобными, но более дешевыми способами), и своеобразная «честность» (хотите — подлинные бланки и печати, не хотите — поддельные). Симптоматично и то, что соответствующие услуги, выглядящие нелегитимными с позиций самой науки, не воспринимаются таковыми нашим обществом и его правоохранительными структурами: во всяком случае, предлагающие их ничего не скрывают, а, напротив, афишируют и ни от кого не прячутся. А реакцию этих структур на жалобы возмущенных нетрудно предугадать: «И такую ерунду вы считаете правонарушением?». Тем более что написание диссертаций третьим лицам обычно закамуфлировано под абсолютно неуязвимое с юридической точки зрения их «научное консультирование».

Но дело, конечно, не в этих структурах, у которых и в самом деле есть более серьезные заботы. Более симптоматична реакция самого научного сообщества. Диссертации «под ключ» не пишутся сами по себе, их пишут его представители, поведение которых в основном встречает весьма толерантное отношение в нашей научной среде: дескать, ведь жить как-то надо. По статистике ВАК, 15 % кандидатских и 10 % докторских диссертаций у нас защищают люди, не имеющие к науке никакого отношения, делая это благодаря своеобразным «конвенциям», которые тоже выражают своего рода антинормы, распространенные в нашем научном сообществе: «нельзя

подводить председателя ученого совета, ведь он уже договорился» (а стало быть, и получил деньги или что-то еще), «диссертанта нельзя „зарубить“, ведь он может сделать что-нибудь полезное для нашего вуза (института), а может, если рассердится, и навредить», и т. п. Так что в подобных ситуациях научную этику нарушает не узкая группа людей — пишущие диссертации «под ключ», защищающие их или организующие такие защиты, а все наше научное сообщество, или, по крайней мере, его основная часть (в противном случае подобные защиты завершались бы провалом, чего, как правило, не случается), и есть все основания констатировать погруженность в соответствующий вид теневой науки его значительной, если не большей, части.

Научное антрепренерство

Жизнь внесла свои коррективы и в формы организации отечественной науки, обогатив ее рядом если и не строго теневых, то, по крайней мере, «серых» форм, например таких как «институты-призраки». В отличие от близких к ним по форме, но не по содержанию «институтов-карликов» (Юревич, 2004), «институты-призраки» выглядят специфической для современной России формой организации науки, неся на себе печать массовой склонности к профанациям, очень характерной для нашего общества. Как и любые призраки, подобные институты неуловимы, а об их существовании можно судить лишь по неким косвенным признакам — главным образом, по продуктам их «трансцендентной» активности. Ее типовыми проявлениями служат, во-первых, вывеска на стене какого-либо известного научного или образовательного учреждения, в помещении которого «призрак» живет — подобно тому, как привидения жили в средневековых замках, во-вторых, личность, которая позиционирует себя в качестве директора такого института, выступая, в основном в СМИ, от его имени. Другие проявления активности «институтов-призраков» окружающему их научному сообществу, как правило, не известны.

Говоря о «серой» науке было бы несправедливым не отдать должное и такой ее форме, как антрепренерская наука. Дж. Раветц называет «научным антрепренерством» способность проводить быстро осуществимые и низкокачественные исследования, браться за любые задачи, если это сулит материальные выгоды, действовать, в том числе и исказить результаты исследований, в угоду властям предрержащим и т. д. (Филатов, 1993). Яркой иллюстрацией этого стиля работы может служить социолог, который, получив предложение провести социологическое исследование, спросил заказчика: «А как Вам подсчитать результаты?» — то есть в чью пользу.

Антрепренерская наука стала целой индустрией в современной России, где, как отмечает И. Мильштейн, в процессе гневного комментирования тех или иных политических событий так называемыми независимыми аналитиками, оценивающими их «от имени» науки, «уровень гнева определяется количеством „зеленых“ в незаклеенном конверте» (Мильштейн, 1998: 16). Очевидный «прогресс» — коммерческий, пиаровский и прочий — этой индустрии в основном связан со стремительным разрастанием сети так называемых независимых (непонятно от кого, но явно не от основных источников финансирования и политических интересов их клиентуры) исследовательских центров¹, основные задачи которых очень далеки

¹ В одной только политологии их насчитывается более 300 (Цепляев, Пивоварова, 2002).

от главной задачи науки — раскрытия истины. В нашей стране сложилась крайне благоприятная среда для развития антрепренерской науки: ведь в условиях нынешнего статусно-организационного «беспредела» (любой может учредить собственную академию, купить ученую степень и т. п.), «сейчас каждый, кто составил опросный лист или провел интервью, без зазрения совести называет себя социологом (а также политологом, психологом и т. п. — А. Ю.),¹ более того, считает возможным выдвигать и отстаивать различные проекты преобразования российского общества» (Осипов, 1997: 506). В то же время «конкурировать в одиночку с представителями академической науки непросто, однако можно это делать, выступая с оценками от имени центра или фонда с солидным наукообразным названием» (Филатов, 1993: 94). В результате такие центры и фонды плодятся как грибы после хорошего дождя, наблюдается «лихорадочное основание всевозможных социологических и политологических, экономических и стратегических центров, явно настроенных на обслуживание тех или иных структур власти, предпринимательства, общественных организаций» (там же: 94)², а образуемая ими антрепренерская наука не только оттесняет «настоящую» науку от умов и кошельков политиков и бизнесменов, то есть от основных источников финансирования, но и создает в нашем обществе сильно искаженный образ того, что такое наука вообще и кто является ее ведущими представителями, а, стало быть, кого следует использовать в качестве экспертов и аналитиков. Эта разновидность «серой» науки не только настойчиво пробивается «на свет», но и стремится вытеснить отсюда свою соперницу — официальную науку, пытаясь выставить ее «ленивой», «неразворотливой», «догматичной», «испорченной советскими традициями» и обладающей качествами, противоположными основным характеристикам антрепренерской науки.

Подобные ситуации высвечивают и еще одно важное свойство современного варианта теневой науки. Если, скажем, идеологизированная наука служит определенной идеологии и фабрикует выгодный для нее образ реальности, то теневая наука в своей «служивой» части обслуживает интересы определенных политических, окологических и внутринаучных кланов, подгоняя под их интересы образ реальности, в том числе и самой науки³. Однако в отличие, скажем, от теневой экономики, теневая наука стремится пробиться «на свет», но специфическим способом, явив всему миру сфабрикованный ею образ реальности, но оставив в тени истинный механизм его порождения.

¹ Интересно, что наш специфический рынок породил не только обильное предложение «липových» специалистов этих профилей, но и спрос на них. Например, в одной из наших газет было опубликовано такое объявление: «Требуется психолог до 35 лет. Психологическое образование необязательно».

² Разумеется, возникает вопрос: а почему подобного не происходит в естественной и технической науке? Ответ может быть основан на том, что, во-первых, в естественной и технической науке проще отличить истинную науку от ее профанаций, чем в социогуманитарных дисциплинах, во-вторых, в современной России, в условиях специфики характерного для нее социального заказа науке, профанировать, скажем, на естественной науке куда менее выгодно, чем на социогуманитарной. В то же время нечто подобное, хотя и в более скромных масштабах, наблюдается и в естественной науке, например в медицине, где тоже появилось немало «своеобразных» центров.

³ При этом интересы соответствующего клана тоже могут состоять в распространении определенной идеологии, но чаще сводятся к продвижению самого клана — завоеванию им ключевых позиций в науке и в системе ее взаимоотношений с обществом.

Это же ее свойство отчетливо проявляется и в тех случаях, когда ученые практикуют способы поведения, описанные А. Коном: куда-то «случайно теряют» данные, на которых основаны сделанные ими выводы и т. д. В тени остается собственно «генерирующая часть» теневой науки, а не ее продукт — порожденные теневым механизмом результаты.

Поп-наука

Область теневой науки расширяется и за счет того, что в современном обществе большое распространение получила так называемая поп-наука (не путать с паранаукой и т. п.), охватывающая различные формы приспособления науки, главным образом социогуманитарной, к потребностям современного обывателя и «продажи» ему научного знания в наиболее доступном его пониманию виде. Ее типовые образцы — книги под названиями «Как завести друзей», «Как нравиться женщинам», «Как добиться успеха в бизнесе» и т. п., наводнившие прилавки наших, даже наиболее солидных, книжных магазинов. По форме — это адаптация научного знания к потребностям практики, по сути — его явная профанация в угоду обывателю, увы, пользующаяся у него куда большим спросом, нежели «настоящая» наука.

Формально поп-наука и теневая наука не пересекаются друг с другом, поскольку вторая обитает «внутри» самой науки, а первая образует внешнее по отношению к ней наслоение. Но в действительности многие ученые активно и охотно занимаются поп-наукой, «адаптируя» научное знание к потребностям обывателя и его представлениям о науке, что нередко выдается за коммерциализацию этого знания, его приспособление к нуждам практики. Причины подобного поведения ученых достаточно очевидны: на поп-науке можно заработать и известность, и деньги, которых не заработаешь, занимаясь серьезной наукой. И если толерантно относиться к научным сотрудникам, пишущим диссертации «под ключ», то их коллеги, промышляющие поп-наукой, едва ли заслуживает более строгого порицания.

В принципе, алгоритм их действий достаточно прост. Из научного знания выводятся импликации относительно того, что нужно обывателю, не только сильно упрощающие, но и искажающие это знание. В результате в массовое сознание «от имени» науки транслируются мифы, противоречащие научным данным, например о том, что «чтобы добиться успеха в достижении цели, ее надо визуализировать», «сдерживать свои чувства неправильно и вредно», «если вы пребываете в дурном расположении духа, то почувствуете себя лучше, переключив свои мысли на что приятное» (Степанов, 2005: 12–13). Поскольку научного знания для подобных импликаций всегда недостаточно, поп-ученый заполняет вакуум своим здравым смыслом и фантазией. В общем, получается «адская смесь» из научных представлений, их изрядного искажения, находок здравого смысла и т. д., которая продается обывателю от имени науки. А ввиду того, что в отличие, скажем, от паранауки и сопутствующего ей шарлатанства («сниму порчу», «приворожу любовника», «верну мужа за полчаса»), здесь все же корни вырастают из науки, то поп-науку можно считать одним из проявлений теневой науки, тем более что промышляющие ею представители научного сообщества, как правило, занимаются ею «в тени», стараясь скрыть это от коллег.

Вообще следует отметить, что в тех случаях, когда ученый, в особенности представитель социогуманитарных наук, занимается тем, что принято называть внедрением¹ научного знания в практику, он часто практикует те приемы, которые характерны для теневой науки. И дело здесь даже не в том, что он, как и подавляющее большинство отечественных предпринимателей, стремится уклониться от уплаты налогов, снизить размер своих доходов и т. д., что характерно для теневой экономики, то есть в этом смысле погружается «в тень», сколько в том, что он нередко продает товар — псевдознание, которое в самой науке в качестве знания не рассматривается.

Например, значительная часть тестов и других подобных процедур, применяемых так называемыми практическими психологами, не имеет выдаваемых научным сообществом «сертификатов» валидности и надежности и вообще, подобно очень популярному сейчас нейролингвистическому программированию (НЛП), крайне сомнительна. Однако покупателю все это выдается за получивший научную «сертификацию» абсолютно надежный товар, что предполагает достаточно явное нарушение норм науки. Такие формы поведения характерны не только для «чистых» практиков, многим из которых основополагающие нормы науки просто неизвестны, но и для ученых, которые, в основном не от хорошей жизни, вынуждены заниматься практикой и внедрять в нее все, что она может вытерпеть (и в таком контексте этот «скрежещущий» термин вполне оправдан).

Подобная ситуация кроссдисциплинарна, то есть характерна для многих научных, особенно социогуманитарных, дисциплин. Например, в социологии происходит размежевание трех основных ипостасей (фактически самостоятельных профессий) этой профессиональной деятельности: социолога-ученого, социолога-прикладника и социального технолога. При этом, как отмечает М. Задорин, «в фундаментальной науке просто не хватает денег для обеспечения достойного существования и экономически не стесненного занятия любимым творчеством. А в прикладной сфере не хватает символического капитала и соответствующих профессиональных статусов, подтверждающих свою компетентность и профессионализм. Вот и получается, что ученый бежит за деньгами в „коммерческую халтуру“, доказывая одновременно себе и другим свою „востребованность“, а прикладник вынужден на полгода „уходить из бизнеса“, чтобы написать кучу не очень научных статей в очень научных журналах и получить „корочки“ кандидата или доктора, в общем-то, малополезные для его непосредственной деятельности» (Задорин, 2007: 71).

Нечто подобное наблюдается и в психологии. Академические психологи тоже равнодушны к впечатляющим гонорарам психологов-практиков, а те — к имеющимся лишь у немногих из них ученым степеням. К тому же, академические психологи подчас воспринимают психологическую практику если не как торговлю воздухом, то как продажу, причем за немалые деньги, весьма сырого и ненадежного знания, которое, прежде чем выставлять на продажу, следовало бы многократно перепроверить в психологических лабораториях². Немало проблем возникает и в отношениях научного психологического сообщества с теми психологами-практиками, которые обслуживают

¹ Истокающее механический скрежет слово, демонстрирующее, что практика неизбежно сопротивляется этому.

² В этом плане наиболее показательным отношением к психоанализу, ни одно из базовых положений которого, как принято считать в академической психологии, до сих пор не получило нормативного в науке эмпирического подтверждения. Отмечаются, в частности,

политиков. В процессе подготовки и проведения избирательных кампаний, предполагающих различные формы «одурачивания» избирателей («черный» пиар, «грязные» политтехнологии и т. п.), эти психологи грубо нарушают этические нормы науки (и не только науки). В. Е. Семенов задается вопросом: «Ведают ли, что творят те социальные и политические психологи, которые готовят якобы бизнесменов, якобы лидеров, якобы политиков, якобы победителей? А на самом деле — людей без идеалов и принципов, манипуляторов и шарлатанов» (Семенов, 2007: 42). Иногда раздаются призывы к отлучению таких психологов от психологического сообщества.

Но даже если подобных нарушений не происходит, наблюдается расхождение этических систем фундаментальной и прикладной науки, на неизбежность которого обращает внимание Б. И. Пружинин (Пружинин, 2008). В частности, «поиски истинного знания являются для фундаментального исследования вещью самодовлеющей; для прикладного исследования истина является ценностью инструментальной, а самодовлеющей ценностью оказывается как раз технологическая эффективность знания» (там же: 116), что обуславливает расхождение ценностных ориентаций, характерных для двух страт научного сообщества.

Отмечается и то, что практическая психология, в отличие от академической, во многом носит теневой характер, что углубляет «схизис» (Василюк, 2003) между ними. В. Б. Хозиев пишет, что «значительная часть консультативной психологии и не собирается покидать своей теневой и неофициальной ниши, давно и надежно занятой ею в современной культуре» (Хозиев, 2007: 190). Теневой характер этой ниши определяется тем, что «невидимая миру работа идет внутри культуры и в рамках консультативного сообщества психологов. Следствием такого положения дел является весьма своеобразная рефлексия, публикуемая в виде описаний „консультативных случаев“ в общедоступных журналах. В свете этого возникает представление о ненаучности, приблизительности и поверхностном характере консультативной психологии» (там же: 190).

В общем, достаточно очевидно, что активизация прикладного потенциала социогуманитарных наук существенно расширяет область их теневого приложения и порождает целый спектр этических проблем, вынуждающих значительно расширить традиционные представления о научной этике.

* * *

Множество явлений, которые следует отнести к области теневого науки, сейчас настолько широко и многообразно, что едва ли возможно дать их всеобъемлющее описание, тем более что наша жизнь порождает все новые их виды. В то же время, если придерживаться сформулированного в начале этой статьи определения, основные формы «деятельности представителей научных сообществ, микросоциумов (входящих в них по формальным либо содержательным признакам), которая строится на нарушении, деформации принятых и поддерживаемых обществом в качестве своего рода идеалов, ценностей и норм — правовых, этических и т. д., которые регулируют научную жизнь» (Бажанов, 1991: 153), все же поддаются систематизации.

Во-первых, к их числу можно отнести — и это, наверное, самое древнее понимание теневого науки — нарушение представителями научных сообществ тех норм,

---

«вызывающая метафоричность» психоаналитической теории, «сомнительность... доказательной базы» (Хозиев, 2007) и т. п.

ценностей и идеалов, которые регулируют *сам процесс производства научного знания* и «развернуты» в сторону изучаемых учеными объектов: фабрикация вымышленных данных, подделка результатов исследований, описание непроводившихся опытов, — в общем, все то, что описывает в своей книге А. Кон.

Во-вторых, нарушение норм, которые регулируют *процесс оценки и распространения научного знания в самой науке*, — «подмахивание» рецензий и отзывов на непрочитанные диссертации и книги и т. п.

В-третьих, нарушение норм, призванных регулировать *взаимоотношения между учеными*, например использование в научных дискуссиях статусных позиций и вненаучных, скажем идеологических, аргументов, подыгрывание начальникам, клановое поведение и т. п.

В-четвертых, нарушение тех норм, которые регулируют *отношения научного сообщества с внешней по отношению к нему социальной средой*: преподнесение ей искаженных представлений о том, «кто есть кто в науке» в виде липовых рейтингов и самопрезентаций, трансляция в нее поп-версии научного знания и т. д.

В-пятых, нарушение *общечеловеческих норм* в виде наиболее экстремальных форм неэтичного поведения ученых, таких как торговля обогащенным ураном или человеческими органами.

Возможно, в отдельную категорию стоит выделить и нарушение норм, которые выполняют «охранительную» по отношению к научному сообществу функцию, препятствуя его наводнению «чужаками» — людьми, не имеющими к науке отношения. Например, организация защит «под ключ» или толерантность к такого рода явлениям.

К сожалению, в качестве общих тенденций можно зафиксировать, во-первых, увеличение количества сегментов теневой науки — постоянное появление ее новых видов, во-вторых, расширение каждого из этих сегментов, превращение нарушения соответствующих норм во все более массовые явления, в-третьих, размывание границ между нормой и патологией, то есть между теневой и «нормальной» наукой, в результате чего еще совсем недавно считавшееся патологией начинает рассматриваться как норма, в-четвертых, «экстремализацию» теневой науки — нарушение норм все более грубыми способами (кто лет двадцать назад смог бы себе представить, скажем, защиту диссертаций «под ключ?»), в-пятых, своеобразную «социализацию» теневой науки в виде сдвига ее главных проявлений с нарушения «внутренних» норм науки на нарушения норм, регулирующих ее взаимоотношения с обществом.

Не хочется строить прогноз о том, как будут развиваться эти тенденции, и что будет дальше, но совершенно очевидно, что у теневой науки есть не только прошлое и настоящее, но и будущее. Хотелось бы лишь выразить надежду на то, что вся наша наука со временем не погрузится в тень.

Литература

Бажанов В. А. Наука как самопознающая система. Казань, 1991.

Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.

Гилберт Дж., Малкей М. Открывая ящик Пандоры: социологический анализ высказываний ученых. М., 1987.

Задорин М. Апология «прикладности», или Еще раз о профессионализме, профессии и профессиональном сообществе // Социальная реальность. 2007. № 5 С. 65–74.

- Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
- Мильштейн И. Судьба математика // Новое время. 1998. № 41. С 14–16.
- Осинов Г. В. Что происходит с социологией? // Вестник РАН. 1997. № 6. С. 502–507.
- Пружинин Б. И. Два этоса современной науки: проблемы взаимодействия // Этос науки / отв. ред. Л. П. Кияшенко и Е. З. Мирская. М., 2008. С. 108–121.
- Филатов В. П. Ученые «на виду»: новое явление в российском обществе // Общественные науки и современность. 1993. № 4. С. 89–96.
- Семенов В. Е. Современные методологические проблемы в российской социальной психологии // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 38–45.
- Современная западная социология науки. Критический анализ : кол. моногр. М., 1988.
- Степанов С. 7 мифов поп-успеха // Мы и мир. Психологическая газета. 2005. Январь. С. 12–13.
- Хозиев В. Б. К вопросу о месте консультативного метода исследования в грядущей парадигме психологии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 1. С. 190–206.
- Цепляев В., Пивоварова Л. В коридорах власти пахнет анализами // АиФ. 2002. Август. № 33 (1138).
- Юревич А. В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. № 5. С. 35–47.
- Юревич А. В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М., 2004.
- Barber B. Science and the social order. N. Y., 1952.
- Eiduson B. T. Scientists, their psychological world. N. Y., 1962.
- Gieryn T. F., Figert A. E. Scientists protect their cognitive authority: The status degradation ceremony of sir Cyril Burt // The knowledge society. Dordrecht, 1986. P. 67–86.
- Fuller S. Science. Birmingham, 1997.
- Hagstrom W. O. The scientific community. Cardonale, 1965.
- Kohn A. False prophets: Fraud and error in science and medicine. Oxford, 1986.
- Mahoney M. J. Scientists as subjects: The psychological imperative. Cambridge, 1976.
- Merton R. K. Behavior patterns of scientists // American scientist. 1969. Vol. 57. P. 1–23.
- Mitroff I. I. The subjective side of science. A psychological inquiry into the psychology of the Apollo Moon scientists. Amsterdam, 1974.
- Ravetz J. Scientific knowledge and its social problems. Oxford, 1971.
- Roe A. The making of a scientist. N. Y., 1953.
- Weimer W. B. Psychology and the conceptual foundations of science. Hillsdale, 1976.

Shadow Science in Present-Day Russia

ANDREY V. YUREVICH

Professor, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow
Deputy director, RAS corresponding member;
yurevich@psychol.ras.ru

R. Merton's works that had laid the foundation for sociology of science made a great impact on the *vision* of science and its history by scientists from various disciplines. Not only did Merton's ideas influence this vision, but also *opposition* to these ideas contrasted in particular, the norms of scientific work and its anti-norms. The works of Merton and his opponents

helped to attract attention to non-normative, “shadowy” sides of scientific inquiry. Without knowing about them, views in the field of science studies would be incomplete and, in large measure, distorted.

The term “shadow science” has become more and more widely accepted and even popular in the vocabulary of science studies and everyday speech. Shadow science is understood as activities of scientific community members that is based on a violation or distortion of ideals, values and norms (legal, ethical, and so on) that govern scientific life and that are accepted and maintained by society. Since the very beginnings of science, a sphere of phenomena appeared that could be assigned to the shadow economy, though their nature changed in the course of time. You can observe a mass of facts belonging to the shadow economy, and this is a rule, not an exception. A. Kohn examined similar cases of scientific fraud and identified its three main types: *forgery*, *fudging*, and *cooking* (reporting only the findings that support particular hypotheses). At the same time it would be wrong to reduce the historical causes of shadow science to only manipulations of research findings.

Merton formulated the official scientific norms: universalism, disinterestedness, communalism and organized skepticism. Yet he also paid attention to shadow science phenomena like the *Matthew effect* (the more you have, the more you get), the *ratchet effect* (on acquiring a certain status it is practically impossible to lose it), and so on. Further steps in studying the shadowy sides of science were made by A. Mitroff, S. Fuller, G. Gilbert and M. Mulkay. Generally speaking, most different approaches to science studies point convincingly to the fact that each scientific discipline has its own shadow side that can appear not only in brazen violations of scientific ethics but also in more “normal”, ethically neutral situations. Perhaps it would be reasonable to assign to shadow science an absolutely certain violation of ethical norms; not only those like Merton’s norms that are found in a given science but also the ones accepted by the society in which it originates.

A clear and telling formula “science is the mirror of society” means that all negative instances common to a particular society are reproduced in various forms in science. In present-day Russia, shadow science episodes strike with ingenuity: services are offered through the Internet from “turnkey security” to “conferring the title of an academician”. It is symptomatic that services that look illegal from a scientific point of view are not perceived as such both by society and its law enforcement: those who tout them do not conceal anything and do not hide from anybody. A response by the scientific community is more indicative. “Turnkey” dissertations are not written by the candidates themselves, rather they are written by scientists whose conduct is mainly tolerated in our current scientific environment.

Phantom institutes should be considered as shadowy, *grey* forms of scientific organization. Their typical features are: first, a sign on the wall of a famous research or educational institution on the premises of which a phantom lives; secondly, a person who claims himself to be a/the director of this institution, thus speaking on its behalf mainly in mass media. It would be wrong to ignore entrepreneurial science as another form of grey science. Entrepreneurial science is capable of doing quick, feasible and low-quality research, taking on any task if it promises material advantages, acting in favor of people in power including the willingness to massage scientific findings for corporate gain, etc. Entrepreneurial science has become a real industry in present-day Russia. It creates a distorted image in society of what science is in general and who the leading scientists are, and subsequently compromises who should be used as experts and analysts and who should not be used. This species of grey science tries to oust its rival, established science, by presenting it as lazy, inert, dogmatic, spoiled by Soviet traditions, and possessing qualities that are contrary to the main features of entrepreneurial science.

The sphere of shadow science is growing because of expansion in modern societies of pop science. This means adapting scientific knowledge to the needs of daily practice, which actually is a profanation that indulges consumers, with a larger demand than *real* science. As a result, mass society's consciousness is imbued *on behalf* of science with myths that actually contradict scientific findings. The situation is cross-disciplinary which means that it may be found in many disciplines, especially social sciences and humanities. The rising applied potential of social sciences and humanities extends significantly the area of *shadow* scientific application and produces a wide range of ethical problems which lead us further to broaden the traditional views on scientific ethics.

So, there are a lot of cases that should be assigned to the sphere of shadow science. Though they are diverse they can nevertheless be categorized.

First, these are violations by scientists of the norms, values, and ideals that govern the process of *producing scientific knowledge*. They are *directed* toward objects of scientific research: fabrication of scientific findings, scientific forgery, description of experiments that were not conducted, etc..

Secondly, violating the norms *governing evaluation and dissemination of scientific knowledge inside science*: putting one's signature to reviews and comments on dissertations and books unread, etc.

Thirdly, breaking the norms regulating *relationships between scientists*, for instance, relying on one's status in scientific debates, presenting external, ideological arguments, ingratiating with superiors, clannish behavior, etc.

Fourth, violating the norms governing relationships *between the scientific community and the outside social-cultural environment*: putting forward distorted ideas about who is who in science in the form of fake ratings and self-presentations, inserting pop versions of scientific knowledge into it, and so on.

Fifth, violating *universal human norms* by scientists' with radically unethical behavior, for example, trading in enriched uranium or human organs.

Among general trends, one can establish, first, the growing number of segments in shadow science; second, the extension of each of these segments; third, the blurring boundary between norms and pathology; fourth, radicalization of shadow science: norms are violated in a tougher manner; fifth, a distinctive socialization of shadow science when its main manifestations are no longer a violation of internal scientific norms, but a violation of norms that govern science's relationship with society.

It is not the purpose of this article to predict which way these trends will lead. Nonetheless, it is certain that shadow science has not only its past and present, but a future ahead of it as well.